

**ОТ «БАСКАРДОВ» ДО «БАШКИРЦЕВ»:
СУДЬБА ЭТНОНИМА В XIII–XVI ВЕКАХ*****А.В. Аксанов****Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
aksanov571@gmail.com*

Цели: проанализировать сведения источников XIII–XVI вв. о «баскардах», «паскатурах», «баскирдах», «башкирдах», «башкирцах» (вместе с другими разночтениями) и изучить соотношение этих этнонимов и историческую судьбу их носителей.

Материалы исследования: помимо письменных источников (латинские, русские и арабографические), привлечены материалы археологических исследований, данные лингвистики, эпиграфики, исторической этнологии и климатологии.

Результаты и новизна исследования: до монголо-татарского нашествия к востоку от Булгара располагалась Великая Венгрия («Magna Hungaria»), населенная «баскардами» («Bascardi»), которые, по данным письменных источников и археологии, относились к кочевым уграм, являвшимся в основной своей массе язычниками. В результате Великого западного похода Чингизидов большая часть приуральских угров («баскардов») погибла или покинула эту территорию (часть населения бежала от захватчиков, а часть – подверглась депортации). В эпоху Золотой Орды Приуралье было заселено тюрками-мусульманами из Булгара и Средней Азии, которые постепенно ассимилировали остатки «баскардов» Южного Приуралья. В XV–XVI вв. этнонимы «баскирды», «башкирды», «башкирцы» и подобные им не связываются с Южным Приуральем, а связываются с более северными территориями, с верховьями Камы. Вследствие серьезных климатических и политических изменений, начавшихся в 1550-е гг. (один из климатических минимумов Малого ледникового периода, падение Казанского ханства, смута и мор в Ногайской Орде), «башкирцы» начали миграцию в Южное Приуралье, где они и фиксируются источниками XVII века.

Ключевые слова: баскарды, башкирцы, кочевые угры, Великая Венгрия, Булгар, Золотая Орда, Казанское ханство, Ногайская Орда

Для цитирования: Аксанов А.В. От «баскардов» до «башкирцев»: судьба этнонима в XIII–XVI веках // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 786–800. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.786-800

**FROM THE “BASCARDI” TO THE “BASHKIRS”:
THE FATE OF AN ETHNONYM DURING THE 13TH–16TH CENTURIES*****A.V. Aksanov****Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
aksanov571@gmail.com*

Research objectives: To analyse information of the sources of the 13th–16th centuries regarding the “Bascardi”, “Pascatur”, “Baschirdi”, “Bashkirds”, “Bashkirs” (together with

other variations) and to study the interrelation of these ethnonyms and the historical fate of those who bore them.

Research materials: In addition to written sources (Latin, Russian and Arabic), materials from archaeological research, linguistic data, epigraphy, historical ethnology and climatology.

Research results and novelty: Prior to the Mongol-Tatar invasion, “Magna Hungaria”, located east of Bolghar, was inhabited by the “Bascardi” who, according to written sources and archaeology, belonged to the nomadic Ugrians and consisted mostly of pagans. During the Great western campaign of the Mongols, most of the Cisuralic Ugrians (“Bascardi”) perished or left this territory (one part of the population fled from the invaders and the other one was deported). During the Golden Horde period, Muslim Turks from the Bolghar and Central Asia settled in the Cisuralic region and gradually assimilated the remains of the “Bascardi” of the Southern Cis-Urals. In the 15th–16th centuries, the ethnonyms “Baschirdi”, “Bashkirs” and the like are not associated with the Southern Cis-Urals, but with more northern territories – that is, with the upper reaches of the Kama. Due to serious climatic and political changes that began in the 1550s (one of the climatic minima of the Little Ice Age, the fall of the Kazan Khanate, and turbulence combined with epidemics in the Nogai Horde), the “Bashkirs” began to move to the Southern Cis-Urals, as is evidenced by the sources of the late 16th–17th centuries.

Keywords: “Bascardi”, “Bashkirs”, nomadic Ugrians, Magna Hungaria, Bolghar, Golden Horde, Kazan Khanate, Nogai Horde

For citation: Aksanov A.V. From the “Bascardi” to the “Bashkirs”: The Fate of an Ethnonym during the 13th–16th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 2, pp. 786–800. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.786-800

В источниках XIII–XVI вв. упоминаются такие этнонимы, как «баскарды» («Bascardi»), «паскатур» («Pascatur»), «баскирды» («Baschirdi»), «башкирды», «башкирцы» и т.п. В середине XX в. в отечественной историографии прочно утвердилось мнение, согласно которому, эти этнонимы связывались с тюркоязычными предками современных башкир. Утверждалось и то, что эти средневековые «башкиры» в период с XIII по XVI вв. непрерывно занимали территорию современного Башкортостана и прилегающие к нему земли. При этом основные аргументы, подтверждающие тюркоязычную принадлежность и многовековую автохтонность средневековых «башкир», исследователи находили в башкирских шеджере, большая часть которых была записана только в XIX–XX веках! Однако зачастую историки не обращали внимания на то, что синхронные источники содержат сведения, не согласующиеся с этими представлениями¹.

Католические миссионеры, совершившие путешествия в восточном направлении накануне и после Великого западного похода Чингизидов, в своих отчетах упоминают о «баскардах». По сообщениям Юлиана, Иоанна де Плано Карпини, Гийома де Рубрука и других авторов, «баскарды/бастарки/паскатуры» (встречаются и другие варианты написания этого этнонима) являлись «язычниками-венграми» и говорили на венгерском языке, а их страна, являвшаяся прародиной западных венгров-христиан, называлась «Великой (Старшей) Венгрией» («Magna Hungaria») и располагалась к востоку от Волжской Булгари и к северу от «Комании», откуда проистекает р. Яик [34,

¹ Историографию вопроса см.: [2, с. 233–235].

с. 157–170]. Юлиан и Матвей Парижский сообщают о полном опустошении Великой Венгрии татарами, а Гийом де Рубрук, посетивший Улус Джучи уже после завоеваний Батыя, писал о распространенности ислама среди населения Великой Венгрии. Опираясь на эти данные, Р. Хаутала пришел к выводу, что «после завоевания Великой Венгрии в 1236 году татары, по всей видимости, депортировали основную часть заволжских мадьяр из их области обитания в наказание за их длительное сопротивление (в течение 14 лет) и, что тоже вполне вероятно, способствовали притоку в регион нового населения мусульманской ориентации» [34, с. 170].

Выводы, сделанные на основе письменных источников, вполне согласуются и с заключением археологов, обосновавших типологическую близость могильников Венгрии с кушнаренковско-караякуповскими могильниками Приуралья [32, с. 37–42; 33, с. 141–156]. По мнению А.Х. Халикова, оставшиеся в Приуралье венгры жили на данной территории до монголо-татарского завоевания, в результате которого они были включены в состав покоренного населения [31, с. 76].

Таким образом, у нас достаточно оснований полагать, что до установления власти Чингизидов к востоку от Волжской Булгарии располагалась обширная территория так называемой Великой Венгрии, и на ней проживали заволжские венгры-мадьяры («баскарды/паскатуры»), которые только в результате 14-летней войны в 1236 г. были покорены монголо-татарами. Во время Западного похода Чингизидов католические миссионеры в восточных пределах Владимиро-Суздальского княжества повстречали «венгров-язычников», бежавших со своей родины «перед лицом тартар», то есть часть заволжских мадьяр в результате монголо-татарского вторжения бежала на запад². В то же время сохранилось солидное количество сведений, указывающих на то, что другая часть приуральских венгров была расселена по различным улусам Монгольской империи. Такая переселенческая политика зачастую применялась Чингизидами по отношению к народам, оказавшим наиболее серьезное сопротивление при завоевании³. Оставшееся угорское население, которое можно соотнести с археологическими чияликцами конца XIII – начала XV века, относительно быстро исламизируется. На завершающем этапе чияликской культуры (конец XIII – начало XV в.) обнаружены захоронения, осуществленные по канонам ислама, но с многочисленными пережитками «языческого угорского обряда: это круглодонные сосуды с характерной гребенчато-шнуровой орнаментацией, поставленные в изголовье могилы, остатки конской шкуры и бляшки-наглазники (Кушулевский, п. 1, 65; I Аз-

² «Венгры-язычники» – «баскарды», которые бежали от татар и повстречались миссионерам на восточной границе Суздальской земли [34, с. 170], могли быть предками «башкирцев», упомянутых среди населения г. Темникова в грамоте князю Еникееву Тенишеву от 1539 года [3, с. 156]. Правда, в дальнейшем темниковские «башкирцы» не встречаются в источниках, поэтому не исключено, что они вместе с темниковскими татарами были переселены в Приуралье и составили основу башкиро-мещерякского войска.

³ Письменные и археологические источники указывают на то, что оставшиеся после нашествия приуральские угры были переселены на территорию Булгарского улуса и Средней Азии, а оттуда, в свою очередь, население прибыло в Приуралье. Более подробно о депортации приуральских угров см.: [19, с. 8–9; 34, с. 170–173].

метьевский, п. 44, 50, 93), женские украшения, среди которых наиболее часты подвески с желудевидными бусинами» [6, с. 124].

На основе более поздних сообщений можно допустить, что на обширном пространстве Великой Венгрии Чингизиды учредили несколько новых улусов, основу которых составили переселенцы из Булгара и Средней Азии. Это подтверждается тем, что на данной территории появляются болгарские эпитафии [35, с. 131] и культовые сооружения, построенные в болгарском и среднеазиатском стилях. Г.Н. Гарустович выделил в Волго-Уральском регионе «болгарскую» и «среднеазиатскую периферийную» школы зодчества. По его словам, «строения двух этих школ зодчества легко различаются между собой, поскольку к «болгарской» школе относятся каменные мавзолеи, а к «среднеазиатской периферийной» школе – строения из обожженного квадратного кирпича» [9, с. 178–179]. О близости материальной культуры Среднего Поволжья и Приуралья в золотоордынское время свидетельствуют и другие данные археологии [28, с. 88–100]. К тому же, по сообщению автора «Казанской истории», земли по р. Белой относились к Булгару [27, с. 403]. Учитывая данные письменных источников и археологии об исламизации приуральского населения, напрашивается вывод о том, что во второй половине XIII–XIV веке важную роль в исламизации местного населения сыграли мусульмане из Булгара и Хорезма. Видимо, столь значительная миграция населения не только ускорила исламизацию, но и тюркизацию оставшихся после нашествия приуральских угров.

Однако в северной части Великой Венгрии эти процессы шли намного медленнее. Вероятнее всего, поэтому вплоть до XV–XVI вв. в верховьях р. Камы сохраняются археологические культуры с угорскими чертами, и именно с этой областью синхронные письменные источники соотносят этнонимы «баскирды», «башкирды», «башкирцы» и т.п. Важно учитывать, что обозначенный район уже с раннего средневековья заселялся полукочевыми угорскими общностями. Более 400 памятников Ломоватовской культуры VI–XI вв. с характерными угорскими признаками занимают «правобережье и левобережье среднего и верхнего течения Камы от реки Чусовой и почти до верховий» [7, с. 57]. А с XI до конца XVI в. культуры Пермского Приуралья близки к чияликской археологической культуре [14, с. 97–98]. Важное наблюдение по этому поводу сделал В.А. Оборин. Согласно ему, «остяков, живших в XVI–XVII вв. в Кунгурском районе, вряд ли можно связывать с современными хантами... Остяки жили в районах, ранее занятых племенами сылвенской культуры и какой-то близкой к ней культуры в Среднем Прикамье. Происхождение этих культур связано с прониканием угорских (протомадьярских) племен с территории Башкирии» [21, с. 28–38; 22, с. 130–135].

Учитывая, что в Приуралье отсутствуют древние топонимы, связанные с корнем «башкир»/«башкорт», можно заключить, что это экзоним, произошедший от тюркского экзоэтнонима «баджа огур» – свояк огур, свояк угров⁴. Такая этнонимия согласуется с тем, что и католические миссионеры, имевшие личные контакты (!) с приуральским населением, называли «баскардов»

⁴ Тюрколог Н.А. Баскаков выдвинул следующее лингвистическое обоснование развития этой этнонимии: «badža oγur (сваяк огур, свояк угров) > badž(a) oγur > badžyar получил форму madž(a) oγur > madžγur > madžyar > madjar, т.е., иначе говоря, этнонимы башкиры и мадьяры имели общее происхождение» [5, с. 13–18].

венграми по языку, то есть уграми, и более ранние сведения Ибн Фадлана, повстречавшего (!) «башкурд», указывают на угорское происхождение этих племен. Во-первых, Ибн Фадлан, знавший тюркские языки, вынужден был общаться с «башкурдами» через переводчика [15, с. 132]⁵. Во-вторых, археологи А. Белавин и В. Иванов, исходя из наличия кушнаренковско-караякуповских материалов в степях Южного Предуралья, пришли к выводу, что «встреченные Ибн Фадланом «башкиры» были кочевые угры. И, скорее всего, деревянная палочка «величиной с фалл», которую (по сведениям Ибн Фадлана. – А.А.) «башкиры» вешали на себя и с которой каждый связывал свое появление на свет, являлась не в буквальном смысле изображением этого органа, а деревянным идолом-оберегом иттерма, подобным найденному в кургане №5 Бакалинского могильника» [6, с. 123].

Письменные источники XV–XVI вв. связывают «баскирд/башкирд» и «Башкирскую землю» с верховьями р. Камы, с территорией Пермского Предуралья. По сообщению автора «Казанской истории», «башкирския улусы» находились «за 700 верст за Казань» [27, с. 403], причем под «за Казаньем» понимались земли, находившиеся к северо-востоку от Казани, поскольку при описании юго-восточных границ Казанского ханства этот летописец, как и С. Герберштейн, и другие авторы рассматриваемого периода, не упоминает «башкир» [2, с. 235].

Такое понимание текста Казанской истории согласуется и с более ранними известиями европейцев. По сообщениям М. Меховского от 1517 года, «за Московией *на северо-востоке* (здесь и далее курсив наш. – А.А.), на краю северной Азии, собственно называемой Скифией, находятся народы и области, подчиненные государю Московии, впервые покоренные князем Московским Иваном, а именно Пермь, *Башкирия*, Чиремисса, Югра и Корела» [27, с. 402]. Аналогичные данные передает Альберт Кампензе (1523/1524 г.): «*К северо-востоку от Московии*, за Вяткою и Устюгом, в расстоянии пяти сот Немецких миль, живут Печоране и Вогуличи», за ними «живут другие Скифские племена, как то: Югры, Карелы, *Башкиры* и Черемисы» [27, с. 402].

Сведения европейцев о соседстве башкир с Пермью, Югрой, вогулами и черемисами не противоречат сообщениям «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» (начало XVI в.), Утемиша-хаджи (середина XVI в.), Катиба Челеби (XVII в.) и Абдулгаффара Кырыми (XVIII в.), указывающим на близость «чимги башгырт»/«башкирских татар»/«башкурт» к тюменским татарам и вилайату Чимги-Тура (Тюменскому ханству) [20, с. 233, 237, 244; 27, с. 433; 30, с. 72, 147].

А.М. Курбский, лично участвовавший в походе на Казань в 1552 г. и в последовавших за этим военных экспедициях по покорению народов Казанского ханства, оставил более подробное описание «башкир». В первом случае, характеризуя народонаселение ханства, он указал на то, что «тѣ живут башкирцы *вверхъ великие рѣки Камы* в лѣсах», то есть «башкирцы» населяли леса верховьев Камы. Далее в рассказе о походе 1553–1554 гг. А.М. Курб-

⁵ При этом выражение Ибн Фадлана о том, что «башкурды» – это народ «из числа тюрков», отнюдь не указывает на их языковую принадлежность, поскольку в историописании того времени тюрками назывались не только тюркские по языку кочевники Великой степи (печенги, огузы, хазары и т.д.), но и тесно с ними связанные кочевники-мадьяры, которые по языку являлись уграми [30, с. 72, 147; 35, с. 106, 110, 119–121 и др.].

ский сообщил, что передние полки, преследуя казанцев, «гоняху за ними аже за Уржумъ и Мѣтъ-рѣку, за лѣсы великие, и оттуду аже *до башкирска языка, яже по Камѣ-рѣке вверхъ ко Сибири протяжается*» [27, с. 403–404].

«Башкирцы» упоминаются и в связи с нападением на пермских купцов в верховьях Камы, что зафиксировано в Указной грамоте Ивана IV Строгановым от 1572 г. и летописной статье под 1572 годом [27, с. 405–406]. О проживании «башкирцев» в верховьях Камы свидетельствуют и Ногайские дела, согласно которым в 1578 г. ногайцы «приходили... в Казанский уезд в остяки *на верх Камы воевать*». И далее в источнике уточняется: «*по реке по Каме на башкирцы и на остяки Казанского уезда... и башкирцы и остяки, собрався, иных побили...*»⁶. А в статье Строгановской летописи под 1581 г. дана более конкретная локализация «башкирцов»: «он же злый (пелымский князь. – А.А.) по неволи взя с собою *Сыльянских, и Косвинских, и Иренских, и Ивинских и Обвинских* Татар, и Остяков, и Вогуличь, и Вотяков и *Башкирцов* множество» [27, с. 406]. То есть, как и в предыдущих источниках, речь идет о верховьях Камы, а точнее, о ее притоках, располагавшихся к югу от Великой Перми.

В документах XVII в. на авансцену выходят юго-восточные, уфимские «башкирцы», но еще долгое время единственная «Башкурская волость» сохранялась в составе Тюменского уезда. Здесь необходимо учесть, что до основания Верхотурья (1597 г.) и Туринска (1600 г.) Тюменский уезд включал в себя весь бассейн р. Туры [8, с. 19–20]. В то же время, по наблюдениям Г.Ф. Миллера, тюменско-тобольские татары и башкиры еще долгое время называли друг друга «турали», то есть жителями области Тура [18, с. 194, 262]. Если учесть, что тюменские татары населяли среднее и нижнее течение Туры, то башкиры могли занимать верховья Туры, что опять же полностью согласуется с сообщениями «Таварих-и гузида – Нусрат-наме», Утемишахаджи, Катиба Челеби и Абдулгаффара Кырыми.

Необходимо обратить внимание и на некоторые источники XVII–XVIII вв., которые повествуют о положении дел в более раннее время. В грамоте царя Михаила Федоровича от 1632 г. говорится о «старинных» владениях «башкирцев» в верховьях р. Камы: «Вотчины за нами *за башкирцы старинные* в Уфимском уезде речка Мулин, да речка Юг, да речка Нытва, да речка Отчера со всеми угоды»⁷. Аналогичная грамота была составлена и в канцелярии Петра I в 1701 году [13, с. 82–83].

Дополнительные географические ориентиры приводятся в исследовании голландского политика и ученого Н. Витсена, неоднократно посетившего Россию (впервые в 1664–1665 гг.). Согласно ему, «*в прошлом столетии* (то есть в XVI в. – А.А.)» «*в области Перми башкиры и черемисы поклонялись идолам*», при этом в другом разделе своей книги он уточняет, что «земли Перми, иначе называемые Пермь Великая, имеет соседями с юга башкир». Подробно описывая путь из Сибири, Н. Витсен обозначил еще один район, некогда занимаемый башкирами: «От этого озера (оз. Исеть – А.А.) до того места, где начинается река Чусовая, по каменным горам 6 миль пути... Эти земли *раньше* были заселены *башкирскими племенами*» [27, с. 431–432].

⁶ Цит. по: [11, с. 120].

⁷ Опять же речь идет о реках Пермского Предуралья [27, с. 429–430].

Таким образом, согласно аутентичным и в основном независимым друг от друга источникам, «Башкирская земля», область расселения «башкирд / башкирцев» локализуется в верховьях Камы, у южных границ Великой Перми, в верховьях Чусовой, Исети, Туры и других сопредельных рек.

Как видно, есть основания полагать, что общность «башкирд/башкирцев», обозначенная в источниках XV–XVI вв., была связана с «баскардами» Великой Венгрии. После включения Великой Венгрии в состав Монгольской империи на ее территории за счет притока мусульманского населения из Булгара и Средней Азии были образованы Беловолжский улус («Беловоложская земля») и улусы верхнекамского бассейна («Костяцкая (Остякская) земля» и «Цыплинская (Сылвенская) земля»), обозначенные в Московском летописном своде конца XV века. Вместе с этими землями Казанского ханства, русский летописец упомянул и «Бакширьскую (Башкирскую) землю» [25, с. 279]⁸, которую, вероятно, населяли потомки северных «баскардов» Великой Венгрии, известные по источникам XV–XVI вв. как «башкирды», «башкирцы» и «чимги башгырт».

Согласно «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» и «Кара таварих», народ «чимги башгырт» и улус «Башкурт» входили в сферу влияния Шибанидов – Хаджи-Мухаммада и Абулхайра [20, с. 233, 237, 244]⁹. Однако, по сообщениям русских летописей, в 1469 г. обширные приуральские земли («Беловоложская», «Костяцкая» (Остякская), «Циплинская» (Сылвенская) и «Бакширьская» (Башкирская)) уже относились к владениям Казанского ханства [25, с. 279]. Следовательно, на каком-то этапе казанские Тукай-Тимуриды (Улугмухаммадовичи) вытеснили Шибанидов из указанных улусов. Возможно, именно в это время в районе среднего течения р. Белой возникли новые или были восстановлены старые крепости (Уфа («Уфа-2»), Боре («Чертово городище»), городище Кара-Абыз под Благовещенском, Старокалмашевское городище близ Чекмагуша и др.). Такое расположение укрепленных поселений в период единства Золотой Орды не имело смысла, но когда эти земли стали пограничьем двух конкурирующих династий, это могло стать необходимостью. В районе Туратау отмечается присутствие кунгратов, которые первоначально входили в войско Шибана и в более поздний период представляли интересы Шибанидов в Приуралье [12, с. 201]. Тогда как археологическая «Уфа-2», судя по всему, была южным форпостом Беловолжского улуса, с середины XV в. входившего в состав Казанского ханства. Поэтому, вполне возможно, что первые казанские ханы укрепляли свои позиции в этом регионе за счет строительства новых и/или восстановления доордынских крепостей, что должно было сопровождаться переселением сюда новых групп золотоордынских татар.

⁸ Текстологическое обоснование тождественности названий земель (Циплинская – Сылвенская; Бакширьская – Башкирская) см.: [2, с. 229].

⁹ В «Кара таварих» приводится и уникальная информация о том, что Хаджи-Мухаммад, наряду с улусом «Башкурт», владел и неким «о(у)ланом», расположенным в стороне Булгара («Шэһр-и Болгар тарафында улан» (اولان)) [30, 158]. Под словом «о(у)лан» можно понимать поле, степь, открытую местность, что может соотноситься с персидским понятием «дешт», или с русским – «поле». При этом в исторических преданиях татар Приуралья сохранилось упоминание о городе под названием «Белалан»/«Акалан»/«Алан» [4, с. 54–55]. Поэтому, не исключено, что в «Кара таварих» речь идет об одном из городов-крепостей Беловолжского улуса.

Возможно, «Башкирская земля» вошла в состав Казанского ханства после того, как в 1457 г. Абулхайр потерпел поражения от калмыков, или после его смерти в 1468 году. Но на этом борьба за улус не закончилась. В русских летописях сохранилось косвенное указание на то, что к началу XVI в. эти земли вернулись под власть сибирских Шибанидов: в ответ на установление власти московского наместника в Великой Перми в 1505 г. Кутлук-султан б. Ибрагим организовал военный рейд в Пермское Предуралье [26, с. 99]. Вполне вероятно, что таким образом сибирские Шибаниды пытались противодействовать укреплению позиций великого князя в верхнекамских землях, которые, видимо, были отвоеваны ими у Казанского ханства в ходе противостояния, разгоревшегося в последние годы XV века [1, с. 121–122].

Известия М. Меховского, А. Кампензи¹⁰, А.М. Курбского, Духовная грамота Ивана IV от 1572 г. [27, с. 405] и местный актовый материал XVII в., который порой восходит к грамотам казанских ханов¹¹, свидетельствуют о том, что уже при хане Мухаммад-Амине (видимо, в последний период его правления) «Башкирская земля» вернулась под контроль Казани и находилась в этом положении вплоть до падения ханства.

В ходе завоевания Казанского ханства были подчинены и «башкирцы», которые, согласно официальным летописям, в 1557 г. «пришли, добив челом, и ясак поплатили» [24, с. 282]. Русские летописи не уточняют, откуда именно пришли «башкирцы» для уплаты ясака. Однако А.М. Курбский, участвовавший в кампании 1553–1554 гг., не только рассказал о месте расселения «башкирцев» (верховья Камы), но и сообщил об их политической судьбе: «И что ихъ было осталось, тѣ покоришася намъ» [27, с. 404]. То есть «башкирцы», оставшиеся в верховьях Камы, приняли власть Москвы уже в 1553–1554 гг., при этом А.М. Курбский указал на то, что не подчинившаяся часть «башкирцев» покинула эти земли. Видимо, о «челобитье» бежавших «башкирцев» (или о части их) речь идет в летописной статье под 1557 годом. Но в каком направлении они могли двинуться, спасаясь от воевод в 1553–1554 годах?

Синхронные источники почти ничего не донесли о нахождении «башкирцев» в 1560–1570-е гг., кроме известия о нападении ногайцев на «башкирцев» в верховьях Камы в 1578 году. В наказах русским послам в Ногайскую Орду от 1586 г. говорится о строительстве острога в устье р. Уфы «на Белой волошке... для оберегания Казанского уезда башкирцов (от хана Кучума. – А.А.) и для того, что... з Белой волошки казанским людем многим ходить на Сибирь... до и потом, чтоб казаки беглые с Волги на Белую волжку не ходили...» [23, с. 20]. Но и в этом отрывке не указано точное географическое положение «башкирцев», а учитывая широкий смысловой контекст причин строительства русской крепости в устье Уфы, нельзя сделать однозначных выводов о том, насколько близко к городу проживали «башкирцы». Более конкретные данные о расселении «башкирцев» находим в «Книге Большому

¹⁰ М. Меховский и А. Кампензи сообщают о том, что «башкиры» подчинились Москве при Иване III [27, с. 402]. Такое представление могло сформироваться вследствие того, что Иван III, по информации, распространенной на Западе, «подчинил» своей власти Казанское ханство и все зависимые от ханства земли, включая «Башкирскую».

¹¹ Известны случаи, когда жители Приуральских земель подтверждали свои владельческие права грамотами, восходившими к Ибрагиму, Мухаммад-Амину, Сахиб-Гирею и Сафа-Гирею. Сохранились и данные о ясачных обязательствах населения этой территории перед Казанью [11, с. 26, 145–150].

Чертежу» (1627 г.): «А усть реки Белья Воложки вверх и по реке по Уфе, по обеим сторонам и до Оральтовы горы и дале, все живут башкирцы» [16, с. 138–139].

Следовательно, «башкирцы», не подчинившиеся московским воеводам в 1553–1554 гг. и покинувшие верховья р. Камы, могли переселиться на более южные территории, находившиеся под контролем Ногайской Орды. Тем более что к этому времени из-за междоусобицы в Орде ногайцы стали покидать Южное Приуралье [29, с. 275], и здесь появились свободные земли для переселения. Причем одним из важнейших факторов данного миграционного процесса являлось резкое похолодание – пик Малого ледникового периода, начало которого отмечается именно с 1550-х годов [10, с. 206–210]. Симптоматично, что синхронная этническая миграция в южном направлении произошла и в Зауралье [17, с. 212–213].

Возвращаясь к вопросу о башкирских шеджере, якобы свидетельствующих о том, что и в XIII–XVI веках башкирские племена занимали территорию Южного Приуралья, необходимо учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, как уже было сказано, это в основном устные предания записанные только в XIX–XX вв., и потому они скорее отражают историческую память людей того времени нежели историческую реальность XIII–XVI веков. Поэтому их данные нельзя ставить в основу исторических реконструкций даже при полном отсутствии синхронных сведений. Из поздних сказаний допустимо использовать только ту информацию, которая подтверждается синхронными источниками. Во-вторых, большая часть этих родословных была записана, когда за племенами усерган, бурджан, тамьян, табын, айле и другими этническими группами Башкирии уже закрепилась башкирская идентификация. При этом исследователи не учитывали, что события, описанные в шеджере, восходят ко временам, когда процесс формирования башкирской общности был еще далек от завершения и многие из этих племен не вошли в нее. Как было показано выше, источники эпохи Казанского ханства, описывая народы Южного Приуралья, не упоминают башкир (как и другие близкие к нему этнонимы).

Впрочем, о том, как с течением времени приуральские племена переселялись и входили в башкирскую общность (становились башкирами), рассказывается в самих шеджере. В кара-табынском шеджере описывается следующий маршрут миграции: из долины реки Миасс в долину реки Чулман (бассейн Камы выше устья Белой, верховья Камы), а потом на юг, в долину р. Ик [27, с. 456]. Переселение с верховьев Камы на юг помимо официальных документов отразилось и в исторической памяти гайнинцев и юрматинцев [27, с. 453–457]. Причем общим местом в гайнинских эпосах является то, что легендарный батыр Гайна пришел на юг верхом на олене из-за сильного холода, вызванного исчезновением солнца [27, с. 457].

В заключение эпоса сказано: «Гайнинцы – самые первые башкиры» [27, с. 457]. То есть здесь подразумевается, что гайнинцы стали первыми башкирами. Подобный контекст обретения имени «башкир», «башкир-вотчинников» сохранился и в шеджере племени юрматы: сначала для самоидентификации этой общности используется слово «ногай», затем, после ухода основной части ногайцев на юг, оставшееся население именуется «иштяками»,

и только после перехода предков юрматинцев на русскую службу они нарекаются «многоземельными башкирами-вотчинниками» [27, с. 453–456]. Аналогичный процесс прослеживается по грамоте, жалованной Иваном IV после завоевания Казани племенам усерген, кыпчак, бурджан и тамьян. По документу, эти племена получили права на южно-уральские земли, причем одна часть народа получила статус тарханов (освобожденные от уплаты податей), а другая – обязалась выплачивать «лисий ясак». Известно, что в дальнейшем племена усерген, кыпчак, бурджан и тамьян вошли в состав башкир, но в данной грамоте они еще не названы «башкортами» или «башкирцами», хотя здесь уже встречается термин «асаба» в словосочетании «Бөржанның асабуи йириду» (особая земля бурджан), что отражает процесс формирования сословной общности «асаба-башкорт» – башкир-вотчинников [27, с. 438–440].

Очевидно, что в этих источниках отразились события, произошедшие после падения Казани и ногайских усабиц 1550-х гг., связанные с переселением башкир на юг, постепенным вхождением народов Южного Урала под власть Москвы и складыванием сословной общности башкир-вотчинников, включившей в себя, кроме башкир, часть иштяков и ногайцев.

Таким образом, источники XIII–XIV вв. говорят о том, что в результате чингизидских завоеваний значительная часть «баскардов» (восточных венгров) погибла и была рассеяна по улусам Монгольской империи, а в опустошенные южные пределы Великой Венгрии были переселены мусульмане из Булгара и Хорезма. В источниках XV–XVI вв., наряду с народом «башкирды/башкирцы», упоминается «Башкирская земля» или улус «Башкурт», причем сохранились достаточно подробные сведения, по которым эти объекты локализуются в верховьях Камы. Однако по источникам XVII века земли «башкирцев» фиксируются уже намного южнее. Вероятнее всего, их миграция в Южное Приуралье началась в ходе завоевания Казанского ханства. Объяснить феномен этого перемещения можно факторами социально-политического и природно-климатического порядка, упомянутыми выше, но, все же, проведенный анализ показывает, что в этой истории еще много «белых пятен» и гипотез, нуждающихся в дополнительной верификации, поэтому данный вопрос требует дальнейшего изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 288 с.
2. Аксанов А.В. Восточные улусы Казанского ханства // История татар Западного Приуралья. Т. I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 225–250.
3. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. III. М.: «Древлехранилище», 2002. 678 с.
4. Әхмәтҗанов М.И. Татар шәҗәрәләре (Беренче китап). Казан: ТКН, 1995. 127 б.
5. Баскаков Н.А. О происхождении этнонима башкир // Этническая ономастика. М., 1984. С. 13–18.
6. Белавин А., Иванов В. Население Западного Приуралья в X–XIV вв. // История татар Западного Приуралья. Т. I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 118–127.

7. *Белавин А., Крыласова Н.* Финно-угры в Приуралье // История татар Западного Приуралья. Т. I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 51–63.
8. *Буцинский П.Н.* Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Т. 1. Тюмень: Изд-во Мандрика, 1999. 327 с.
9. *Гарустович Г.* Мусульманские мавзолеи золотоордынского периода // История татар Западного Приуралья. Т. I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 177–184.
10. *Жилина Т.Н.* Малый ледниковый период как одно из колебаний климата в голоцене и его последствия в Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 340. С. 206–211.
11. *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Мастер Лайн, 1998. 276 с.
12. *Исхаков Д.М.* Взаимосвязи тюрко-татарских государств Западной Сибири и других регионов // История и культура татар Западной Сибири. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 195–205.
13. К истории Башкирского землевладения в Пермском уезде и грамоты башкир // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. 3. Пермь: Типо-литография Губернского Правления, 1897. С. 77–88.
14. *Казаков Е.П.* Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: «Наука», 1978. 130 с.
15. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во Харьковского госуниверситета им. А.М. Горького, 1956. 345 с.
16. Книга Большому Чертежу. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 232 с.
17. *Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А.* Климатический фактор в истории Тюменского и Сибирского ханств // Экология древних и традиционных обществ: материалы V Международной научной конференции, г. Тюмень, 7–11 ноября 2016 г. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2016. С. 211–214.
18. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 607 с.
19. *Миргалеев И.М., Аксанов А.В.* Введение // История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 6–15.
20. *Мустакимов И.А.* Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник. 2009–2010 (2011). Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Восточная литература, 2011. С. 228–248.
21. *Оборин В.А.* К истории населения Среднего Прикамья в эпоху железа // Из истории Урала. Свердловск, 1960. С. 28–38.
22. *Оборин В.А.* О связях племен Верхнего и Среднего Прикамья с племенами Башкирии в эпоху железа // Археология и этнология Башкирии. Т. 2. Уфа, 1964. С. 130–135.
23. *Пекарский П.П.* Когда и для чего основаны города Уфа и Самара? СПб.: Типография императорской академии наук, 1872. 30 с.
24. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 1. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. 302 с.
25. Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.
26. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVII вв. Л.: Наука, 1982. 228 с.
27. Приложения. Источники по истории татар Западного Приуралья // История татар Западного Приуралья. Т. I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские

средневековые государства. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 318–457.

28. *Смирнов А.П.* Железный век Башкирии // Материалы и исследования по археологии СССР. 58. Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 5–113.

29. *Трепавлов В.В.* Южное Приуралье в составе Ногайской Орды // История татар Западного Приуралья. Т. I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 263–277.

30. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскрипция И.М.Миргалеева, Э.Г.Сайфетдиновой, З.Т.Хафизова; перевод на русский язык И.М.Миргалеева, Э.Г.Сайфетдиновой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.

31. *Халиков А.Х.* Новые данные о пребывании древних венгров между Камой и Уралом // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа. 1988. С. 67–78.

32. *Халикова Е.А.* Magna Hungaria // Вопросы истории. 1975. №7. С. 37–42.

33. *Халикова Е.А.* Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // Советская археология. 1976. №3. С. 141–156.

34. *Хаутала Р.* Сведения о заволжских мадьярах в латинских источниках XIII–XIV веков // История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 156–177.

35. *Шушарин В.П.* Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. 512 с.

36. *Юсупов Г.В.* Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 322 с.: ил.

Сведения об авторе: Анвар Васильевич Аксанов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0001-8970-5880>, **ResearcherID:** **K-2763-2017** (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация). E-mail: aksanov571@gmail.com

Поступила 01.09.2017 Принята к публикации 27.11.2017

Опубликована 29.12.2017

REFERENCES

1. Aksanov A.V. *Kazanskoe khanstvo i Moskovskaya Rus': Mezhhgosudarstvennyye otnosheniya v kontekste germeneyticheskogo issledovaniya* [Kazan Khanate and Muscovy: Interstate Relations in the Context of Hermeneutic Research]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016. 288 p. (In Russian)

2. Aksanov A. *Vostochnye ulusy Kazanskogo khanstva* [The Eastern Uluses of the Kazan Khanate]. *Istoriya tatar Zapadnogo Priural'ya. Vol. I. Kochevniki Velikoy stepi v Priural'e. Tatarskie srednevekoye gosudarstva* [History of Tatars of the Western Cisuralic Region. Vol. I: Nomads of the Great Steppe in Cisuralic Region. Tatar Medieval States]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016, pp. 225–250. (In Russian)

3. *Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII veka* [Acts of the Serving Land Owners of the 15th – the beginning of the 17th century]. Vol. III. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2002. 678 p. (In Russian)

4. Akhmatjanov M.I. *Tatar shajaralare (Berenche kitap)* [Tatar Family Trees (First book)]. Kazan, TKN Publ., 1995. 127 p. (In Tatar)

5. Baskakov H.A. O proiskhozhdenii etnonima bashkir [About Origin of an Ethnonym of the Bashkirs]. *Etnicheskaya onomastika* [Ethnic Onomastics]. Moscow, 1984, pp. 13–18. (In Russian)
6. Belavin A., Ivanov V. Naselenie Zapadnogo Priural'ya v X–XIV vv. [Population of the Western Cisuralic Region in the 10th–14th centuries]. *Istoriya tatar Zapadnogo Priural'ya. Vol. I. Kochevniki Velikoy stepi v Priural'e. Tatarskie srednevekoye gosudarstva* [History of Tatars of the Western Cisuralic Region. Vol. I: Nomads of the Great Steppe in Cisuralic Region. Tatar Medieval States]. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2016, pp. 118–127. (In Russian)
7. Belavin A., Krylasova N. Finno-ugry v Priural'e [Finno-Ugrians in the Cis-Uralic Regions]. *Istoriya tatar Zapadnogo Priural'ya. Vol. I. Kochevniki Velikoy stepi v Priural'e. Tatarskie srednevekoye gosudarstva* [History of Tatars of the Western Cisuralic Region. Vol. I: Nomads of the Great Steppe in Cisuralic Region. Tatar Medieval States]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016, pp. 51–63. (In Russian)
8. Butsin'skiy P.N. Zaselnie Sibiri i byt ee pervykh nase'l'nikov [Settling of Siberia and Life of Its First Immigrants]. Vol. 1. Tyumen, Mandrika Publ., 1999. 327 p. (In Russian)
9. Garustovich G. Musul'manskie mavzolei zolotoordynskogo perioda [Muslim Mausoleums of the Golden Horde Period]. *Istoriya tatar Zapadnogo Priural'ya. Vol. I. Kochevniki Velikoy stepi v Priural'e. Tatarskie srednevekoye gosudarstva* [History of Tatars of the Western Cisuralic Region. Vol. I: Nomads of the Great Steppe in Cisuralic Region. Tatar Medieval States]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016, pp. 177–184. (In Russian)
10. Zhilina T.N. Malyy lednikovyy period kak odno iz kolebaniy klimata v golotsene i ego posledstviya v Zapadnoy Sibiri [Small Ice Age as One of Fluctuations of Climate in the Holocene and Its Consequences in Western Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2010, no. 340, pp. 206–211. (In Russian)
11. Iskhakov D.M. Ot srednevekovykh tatar k tataram novogo vremeni (etnologicheskiy vzglyad na istoriyu volgo-ural'skikh tatar XV–XVII vv.) [From the Medieval Tatars to the Tatars of Modern Times (an ethnological view of history of the Volga-Ural Tatars of the 15th–17th centuries)]. Kazan, Master Layn Publ., 1998. 276 p. (In Russian)
12. Iskhakov D.M. Vzaimosvyazi tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri i drugikh regionov [Interrelations of the Tatar States of Western Siberia and Other Regions]. *Istoriya i kul'tura tatar Zapadnoy Sibiri* [History and Culture of the Tatars of Western Siberia]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2015, pp. 195–205. (In Russian)
13. K istorii Bashkirskago zemlevladieniya v Permskom uezde i gramoty bashkir [To the History of the Bashkir Land Tenure in the Perm County and Charters of the Bashkirs]. *Trudy Permskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of the Perm Scientific Archival Commission]. Is. 3. Perm, Tipo-litografiya Gubernskogo Pravleniya Publ., 1897, pp. 77–88. (In Russian)
14. Kazakov E.P. Pamyatniki bolgarskogo vremeni v vostochnykh rayonakh Tatarii [Monuments of the Bulgarian Time in Eastern Regions of Tataria]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 130 p. (In Russian)
15. *Kniga Akhmeda ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg.* [The Book by Ahmed ibn-Fadlan about His Travel to the Volga in 921–922]. Kharkiv, Khar'kovskogo gosuniversiteta im. A.M. Gor'kogo Publ., 1956. 345 p. (In Russian)
16. *Kniga Bol'shomu Chertezhu* [Book to the Big Drawing]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk Publ., 1950. 232 p. (In Russian)
17. Maslyuzhenko D.N., Ryabinina E.A. Klimaticheskiy faktor v istorii Tyumenskogo i Sibirskogo khanstv [Climatic Factor in the History of the Tyumen and Siberian Khanates]. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv: materialy V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, g. Tyumen', 7–11 noyabrya 2016 g.* [The Ecology of Ancient and

Traditional Societies: Proceedings of the Fifth International Scientific Conference, Tyumen, November 7–11, 2016]. Tyumen, TyumGU Publ., 2016, pp. 211–214. (In Russian)

18. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [The History of Siberia]. Volume I. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1937. 607 p. (In Russian)

19. Mirgaleev I., Aksanov A. Vvedenie [Introduction]. *Istoriya tatar Zapadnogo Priural'ya. Vol. I. Kochevniki Velikoy stepi v Priural'e. Tatarskie srednevekovyye gosudarstva* [History of Tatars of the Western Cisuralic Region. Vol. I: Nomads of the Great Steppe in Cisuralic Region. Tatar Medieval States]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016, pp. 6–15. (In Russian)

20. Mustakimov I.A. Svedeniya «Tavarikh-i guzida – Nusrat-name» o vladenyakh nekotorykh dzhuchidov [Information of “Tavarikh-i guzida – Nusrat-nama” about Dominions of Some Jochids]. *Turkological collection. 2009–2010* (2011). *Turkic People of Eurasia in Ancient Time and Middle Ages*. Moscow, pp. 228–248. (In Russian)

21. Oborin V.A. K istorii naseleniya Srednego Prikam'ya v epokhu zheleza [To the History of the Cis-Kama Region's Population during the Iron Era]. *Iz istorii Urala* [From the History of the Urals]. Sverdlovsk, 1960, pp. 28–38. (In Russian)

22. Oborin V.A. O svyazyakh plemen Verkhnego i Srednego Prikam'ya s plemenami Bashkirii v epokhu zheleza [On the Relations of the Tribes of the Upper and Middle Cis-Kama Region with the Tribes of Bashkiria in the Iron Age]. *Arkheologiya i etnologiya Bashkirii* [Archaeology and Ethnology of Bashkiria]. Vol. 2. Ufa, 1964, pp. 130–135. (In Russian)

23. Pekarskiy P.P. *Kogda i dlya chego osnovany goroda Ufa i Samara?* [When and for What the Cities of Ufa and Samara Were Founded?] St. Petersburg, Tipografiya imperatorskoy akademii nauk, 1872. 30 p. (In Russian)

24. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 13. Part 1. *Patriarshaja ili Nikonovskaja letopis'* [Patriarchal or Nikon Chronicle]. St. Petersburg, Skorokhodov's Publ., 1904. 302 p. (In Russian)

25. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 25. *Moskovskij letopisnyj svod konca XV v.* [Moscow Annalistic Svod of the end of the 15th century]. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1949. 464 p. (In Russian)

26. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 37. *Ustyuzhskie i vologodskie letopisi XVI–XVII vv.* [Ustyug and Vologda Chronicles of the 16th–17th centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. 228 p. (In Russian)

27. Prilozheniya. Istochniki po istorii tatar Zapadnogo Priural'ya [Appendixes. Sources on the History of Tatars of the Western Cisuralic Region]. *Istoriya tatar Zapadnogo Priural'ya. Tom I. Kochevniki Velikoy stepi v Priural'e. Tatarskie srednevekovyye gosudarstva* [History of Tatars of the Western Cisuralic Region. Vol. I: Nomads of the Great Steppe in Cisuralic Region. Tatar Medieval States]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016, pp. 318–457. (In Russian)

28. Smirnov A.P. Zheleznyy vek Bashkirii [The Iron Age of Bashkiria]. *Materialy i issledovaniya po ar-kheologii SSSR. 58. Kul'tura drevnikh plemen Priural'ya i Zapadnoy Sibiri* [Materials and Researches on Archaeology of the USSR. 58. Culture of the Ancient Tribes of the Cisuralic Region and Western Siberia]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1957, pp. 5–113. (In Russian)

29. Trepavlov V. Yuzhnoe Priural'e v sostave Nogayskoy Ordy [The Southern Cisuralic Region as a Part of the Nogai Horde]. *Istoriya tatar Zapadnogo Priural'ya. Tom I. Kochevniki Velikoy stepi v Priural'e. Tatarskie srednevekovyye gosudarstva* [History of Tatars of the Western Cisuralic Region. Vol. I: Nomads of the Great Steppe in Cisuralic Region. Tatar Medieval States]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016, pp. 263–277. (In Russian)

30. . *Utemish-khadzhi. Kara tavarikh* [Ötemish Hajji. Qara Tavarikh]. Transcription I.M. Mirgaleev, E.G. Sayfedinova, Z.T. Khafizov, translation to Russian language

I.M. Mirgaleev, E.G. Sayfedinova. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2017. 312 p. (In Tatar)

31. Khalikov A.Kh. Novye dannye o prebyvanii drevnikh vengrov mezhdru Kamoy i Uralom [New Data on the Stay of the Ancient Hungarians between the Kama and Ural]. *Problemy drevnikh ugrov na Yuzhnom Urale* [Issues of the Ancient Ugrains in the Southern Urals]. Ufa, 1988, pp. 67–78. (In Russian)

32. Khalikova E.A. Magna Hungaria. *Voprosy istorii* [Question of History]. 1975, no. 7, pp. 37–42. (In Russian)

33. Khalikova E.A. Rannevengerskie pamyatniki Nizhnego Prikam'ya i Priural'ya [Early Hungarian Monuments of the lower Cis-Kama and Cisuralic Regions]. *Sovetskaya arkhologiy* [Soviet Archaeology]. 1976, no. 3, pp. 141–156. (In Russian)

34. Hautala R. Svedeniya o zavolzhsikh mad'yarakh v latinskikh istochnikakh XIII–XIV vekov [Latin Sources of the 13th–15th centuries on the Trans-Volga Magyars]. *Istoriya tatar Zapadnogo Priural'ya. Vol. I. Kochevniki Velikoy stepi v Priural'e. Tatarskie srednevekovye gosudarstva* [History of Tatars of the Western Cisuralic Region. Vol. I: Nomads of the Great Steppe in Cisuralic Region. Tatar Medieval States]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016. pp. 156–177. (In Russian)

35. Shusharin V.P. *Ranniy etap etnicheskoy istorii vengrov. Problemy etnicheskogo samosoznaniya* [Early Stages of the Ethnic History of the Hungarians. Issues of the Ethnic Consciousness]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 1997. 512 p. (In Russian)

36. Yusupov G.V. *Vvedenie v bulgaro-tatarskuyu epigrafiku* [Introduction to the Bulgar-Tatar Epigraphy]. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1960. 322 p.: ill. (In Russian)

About the author: Anvar V. Aksanov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0001-8970-5880>, **ResearchID:** K-2763-2017 (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: aksanov571@gmail.com

*Received September 1, 2017 Accepted for publication November 27, 2017
Published December 29, 2017*